

В.Я.КЫДЫЕВА (Москва)

О ПРАЗДНИКЕ АЛТАЙСКИХ СЕОКОВ

(послепраздничные размышления о празднике и не только о нем)

Летом 1989 г. в местечке Текпенек, выше села Боочы Онгудайского района Горно-Алтайской автономной области собрались представители рода майман, который имеет подразделения кара и когол. Эта встреча была названа ими маймандардынг байрамы - 'праздник сеока майман'¹. "Праздник", а не собрание, курултай или как-то еще. Сегодня, когда с того дня прошло уже достаточно много времени и многие алтайские сеоки по их примеру провели свои праздники, возникает вопрос - почему именно праздник?

Быть рядом с инициаторами проведения праздника, затем его участником, наблюдателем со стороны, сравнивающим и оценивающим увиденное, а в итоге и информатором, оказалось делом не простым, хотя я до сих пор чувствую атмосферу как праздника рода майман, к которому принадлежу сама, так и последующих праздников родов мундус, кыпчак, тоолос и своеобразного праздника сеоков Усть-Коксинского района. Жалею до сих пор, что не пришлось побывать на праздниках сеоков ирkit, тодош, саал. Сравнивая прошедшие праздники, видишь их организационный и идейный рост, видишь, как каждый из них высвечивал жизнь конкретного уголка Алтая, где проходила та или иная встреча, видишь силу и возможности каждого сеока.

Празднику рода майман предшествовала встреча летом 1988 года потомков Боора - одного из сыновей Солтона, от которого ведут свою родословную кара майман. По преданию, у Солтона было пять сыновей - Боор, Апчы, Ак-Белек, Урат и Бултачы. В тот год собрались лишь потомки Боора, остальные же не были извещены. Закралась обида, недоумение: почему не приглашены потомки его братьев?

Теперь, когда отпраздновали свой праздник майман'ы кара и когол вместе, когда все хлопоты уже позади, переживания и сомнения отошли в прошлое, понимаешь, что это событие (не только значительное, но и масштабное) должно было начаться именно с такой встречи, давшей сильный импульс всему роду. Если бы не встреча потомков Боора, то подготовка праздника всего рода в следующем году проходила бы дольше, на разрешение сомнений - проводить или не проводить встречу, нужен этот праздник или не нужен, ушло бы много сил, энергии, времени. Когда летом 1989 года возникла идея собраться всему роду майман, уже никто не высказывал сомнения. Все были едины в том, что встреча нужна, правда, никто ясно не представлял, что делать, собравшись. Ведь мы привыкли проводить мероприятия по заранее подготовленному сценарию, предусматривающему "артистов" и "зрителей". А в данном случае кто кого должен развлекать? и вообще, должен ли?

Инициатива проведения праздника исходила от представителей старшего поколения, которые занимали более активную позицию по сравнению с молодежью. Они, наверное, более ясно осознавали необходимость знакомства представителей рода - "карындаштар"². Молодежь шла на праздник, не осознавая потребность вполне, но она, я уверена, была у всех. Нужно было видеть, как люди ползали вокруг разостланной на земле схемы, изображающей родословную кара майман до 11 колена. Кто-то выписывал для себя свою линию, кто-то вписывал себя. Такая же схема родословной через два года на празднике сеока кыпчак, приковавшая к себе внимание огромной массы людей.

Конечно, что-то было продумано заранее, например, поставить стелу и высечь на ней тамгу рода. Также каждому представителю сеока нужно было положить камень в общую кучу обоо³, а увешанная ленточками кыйра⁴ молоденькая березка посредине поляны являлась свидетельницей проявления вечного, того, что должно проявляться само собой без подсказки. Вспомнился случай, свидетелем которого мы были на следующий день в с.Кулады, расположенном выше места проведения праздника. Бабушка отчитывала внука-школьника, который не положил камень в обоо. Выяснилось, что, открывая бутылку лимонада, он порезал руку и бабушка, естественно, связывала это с тем, что он не подчинился общему действию и был наказан за это. Она искренне переживала, что ее внук так легкомысленно отнесся к просьбе своих братьев.

Эта пожилая женщина была одним из активнейших участников подготовки праздника. Сама она была из рода мундус, но рассуждала при этом так: "Как же я могла остаться в стороне, ведь меня привели в род майман (она была замужем за человеком из сеока майман. - В.К.). Мой сын майман, теперь и внука-маймана воспитываю. Как же я могла остаться в стороне от дела рода, в который меня когда-то привели".

Когда вслед за майманами к проведению своих праздников начали готовиться сеоки тодош, ирkit, разгорелся спор и даже высказывались требования запретить проведение праздников, так как кому-то в них виделась опасность родового обособления, которая может привести к расколу алтайцев.

Опасения напрасны, так как внутренняя структура института сеока исключала возможность единоличного его существования. Даже вышеприведенный пример участия в проведении праздника женщины из сеока мундус позволяет, по-моему, развеять все опасения такого рода.

Взять, к примеру, закон экзогамии, устанавливающий связь члена рода еще и с родом матери (чыккан таайлары) и даже с родом бабушки, матерью моего отца (тос таайлары). В прошлом существовала особо тесная связь между племянником јеени и дядей по материнской линии таайы; эти отношения были закреплены строгим правилом взаимной помощи. К сожалению, нынешнее поколение алтайцев плохо разбирается не только в родственных связях, но и в терминах родства и поэтому связь между родственниками, оформленная в обычаях и обрядах, может раствориться в их незнании и исчезнуть.

И все-таки есть надежда, что бывший долгое время "пережитком" институт рода переживет и сегодняшнее смутное время. Когда проводимые в стране преобразования направлены, как мне видится, на отчуждение человека от человека, на развитие индивидуализма, хотелось бы верить в способность института рода спланивать людей, развивать взаимопомощь. К кому бы обратилась 33-летняя вдова из рода тодош, оставшаяся после пожара без средств к существованию и с шестью детьми на руках. Когда ее просьба о помощи, переданная через зайсана⁵ сеока майман (ее муж был из этого рода), дошла до одного из сел Онгудайского района, то в "копилку" помощи в первую очередь внесли свои средства тодош'и и майман'ы.

Неожиданным событием на празднике майман'ов стали выборы зайсана. Предварительно этот вопрос не обсуждался, но, когда один из инициаторов проведения праздника высказал идею выбора зайсана и, выдвинув кандидатуру, поставил ее на голосование, то все проголосовали единогласно. Впрочем, никто толком не понимал роль и функции зайсана. Было необычно даже само слово "зайсан", представлявшееся скорее обозначением угнетателя, чем покровителя и защитника. Необычное слово прошло через испытание - дискуссию. Резавший

сначала слух, теперь этот термин прижился. После майман'ов выбрали своих зайсанов сеоки мундус, кыпчак, тоолос, саал. А недавно был поставлен вопрос и о координации деятельности всех зайсанов.

На зайсанов возлагались большие надежды. С 1989 года прошло довольно много времени, но особо заметных действий те люди, которые их избирали, с их стороны еще не видели. Отчасти это объясняется тем, что официально какими-то юридическими полномочиями зайсаны не обладают. Впрочем, последнее обстоятельство, как мне представляется, в значительной степени должно компенсироваться возложенными на них верой и надеждой соплеменников на защиту своих интересов. Не все здесь гладко. Так, майманы долины Каракола уже имеют печальный опыт обращения к зайсану за помощью в защите родовой горы в верховьях р.Которы. Строительство парка для маралов было развернуто в верховьях реки, где находится аржан - целебный источник, "хозяином" которого, по поверью алтайцев, является олень. По мнению части алтайцев, заключать место обитания "хозяина" (ээзи) аржана было кощунством. Я говорю "части алтайцев", поскольку сказать "всех алтайцев" нельзя: парк строили те же алтайцы, с той же долины Каракола. Но главное - слово зайсана о его отношении к этому строительству так никто и не услышал.

Самым отрадным в проведении праздников для меня является то, что они пробудили интерес к истории сеоков, разбудили память людей. Не имея слушателей, не чувствуя потребности людей слушать, знаток преданий, легенд, сказаний сам не подозревая того, оказывается, забывает то, что слышал и знал когда-то. С таким случаем мне пришлось столкнуться в с.Амур. Сказительница, рассказывавшая сказание, вдруг на половине споткнулась и так и не смогла вспомнить, что же было дальше. К огорчению ее примешивалось и опасение быть наказанной: героические сказания, начав рассказывать, нельзя было прекращать на полуслове, так как это вызывало неудовольство и даже гнев "хранителя сказания", чорчоктинг ээзи.

Хотя исторические предания о сеоках и не являются такими объемными, как героические сказания, но и в них многое теряется, становится запутанным. Летом 1992 года в селе Каспа Шебалинского района мне посчастливилось записать очень интересное предание о роде иркит. Одно и то же предание мне рассказывали Иркитов Акчабай Шуламаевич, 1926 г.р. и Иркитова Анна Эрехоновна, 1937 г.р. В том, что предания не записаны, оказывается, есть своя прелесть. Каждый рассказывавший дополнял ее деталями, пусть незначительными по объему, но весьма существенными по смыслу.

Изложенные на бумаге, предания получают, на мой взгляд, канонизированную форму. Но тем не менее, удержаться от соблазна пересказать записанное мною, трудно.

Каптагай, от которого ведут начало представители сеока иркит с.Каспа, проживал в те далекие времена в Куладе (ныне - село в Онгудайском районе). После одного из вражеских нашествий на Алтай, он с женой был уведен в земли Китая. Жена его из сеока майман отличалась мастерством в вышивке. На двух шелковых кисетах она вышивала дорогу, по которой вели их, фиксируя, сколько гор и рек они прошли.

На чужбине они выполняли работу домашних слуг јалчы. Жена готовила еду из пшеницы (кочо и јарма⁶), на Каптагая были возложены обязанности по хозяйству.

После распространения молвы о богатырской удали Каптагая, было устроено состязание с местными силачами. Каптагай выбрал борьбу куреш и

велел, чтобы перед состязанием для него зарезали трехгодовалую овцу черного цвета без пометин, которую он должен был съесть целиком. Но тот, кто варил мясо, тайком съел суме кабырга, самое нижнее хрящевое ребро. Из-за него Каптагай чуть было не проиграл состязание, получив травму именно в области этого ребра.

По условию состязания, проигравшего ждала смерть. Каптагай, выиграв состязание, сохранил жизнь своему сопернику, но за это потребовал возвращения на Алтай со всеми, кто был угнан вместе с ним. К долгому пути готовились втайне: жена Каптагая тайком пришивала колоски на внутреннюю сторону подола чегедек⁷ и на обратной дороге они кормились этими запасами. По возвращении на Алтай, Каптагай поселился в Келее. Это село сейчас относится к Усть-Канскому району. Гора, которой они стали поклоняться, находится в верховьях реки Короты, что в Онгудайском районе.

Два шелковых кисета, один черного цвета, другой - коричневого, жена Каптагая завещала двум сыновьям. Один из этих кисетов переходил по линии потомков одного из сыновей, переселившихся в Каспу. Есть очевидцы, утверждающие, что видели кисет в 1930-е годы. Но затем в передаче кисета была допущена ошибка - он был передан по женской линии и затерялся. А позже последовала и главная расплата - в сеоке кара иркит меньше стало рождаться сыновей.

Легенды и предания на Алтае продолжают жить. Они не застыли в первоначальной форме. Меняясь во времени и со временем, они аккумулировали в себе мудрость народа и потому даже сегодня в них можно не только найти объяснение отличительным чертам представителей того или иного сеока, но и понять с их помощью причины многих неурядиц, имеющих место среди членов конкретного рода.

Возможно, и праздники сеоков станут дополнением к родовым легендам. Не зря, я думаю, каждый род собирался на родовых местах. Кыпчаки в местечке Тоотой (Онгудайский район), тоолос - в Тумечине того же района, мундус - в родовых владениях последнего зайсана мундусов Адыёка. Каждый хотел быть услышанным⁸ там, откуда его род берет начало.

-----

¹ Примеч. NN 1-7 сделаны отв. ред. Сеок (алт. соок) - букв. 'кость', основное патрилинейное экзогамное подразделение у алтайцев, обычно ассоциирующееся (в силу наличия ряда сходных черт) с понятием 'род'.

Майман - один из широко распространенных в Южной Сибири и Средней Азии сеоков (кара и когол майман - у алтай-кижи, майман - у теленгитов, найман - у телеутов и казахов, тайман - у кумандинцев /второе название сеока сеока алтына шабат/ и др.), чье имя восходит к названию центральноазиатской средневековой племенной общности найманов.

² Карындаштар - букв. 'единоутробные', 'братья'. Помимо обозначения одной из близких степеней родства (напр., 'младший (родной, двоюродный и т.д.) брат'), используется также для определения круга близких родственников, находящихся в отношениях кыс алышпас, т.е. запрета на брак.

³ Обоо - жертвенник из кучи камней, устанавливаемый обычно на перевалах.

⁴ Кыйра - одна из разновидностей лент, используемых в бурханистской обрядности. Подробнее о бурханизме см. в наст. сборнике в статье С.П.Тюхтеновой.

⁵ Зайсан (алт. дьайзанг) - волостной или родовой старшина.

⁶ Кочо - разновидность похлебки, обычно ячменной; Jarma - крупа (ячменная); подробный лингвистический комментарий к именам с афф. -ма, производных от йа:р-, см.: Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы "Ж", "Ж", "Й". М., 1989. С.137.

⁷ Чегедек - верхняя распашная женская одежда без рукавов у монгольских и некоторых тюркских народов.

⁸ Весьма показателен здесь пример кыпчаков, которые отказались от микрофона во время окропления тагыла (бурханистского жертвенника), так как благопожелания Алтаю должны быть сказаны живым голосом. /Примеч. автора/.